

УДК 811.11. 81`23:316.772.2
<https://doi.org/10.25076/vpl.50.03>

В.А. Безруков
Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина
И.Ю. Шачкова
Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова

**МАНИПУЛЯЦИИ С ПРЕДМЕТАМИ В ИЗМЕНЕННОМ
СОСТОЯНИИ СОЗНАНИЯ И ИХ НОМИНАЦИЯ В
АВТОРСКИХ РЕМАРКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Цель данного исследования - описать средства косвенного способа номинации (изображения) манипуляций с предметами, реализуемых при сверхсильном эмоциональном возбуждении, которое вызывает у субъекта измененное состояние сознания. Эффект, который измененное состояние сознания оказывает на речь и поведение субъекта, может быть различен и находит свое отражение в вербальном и невербальном поведении, в частности в специфике манипуляций с предметами. Поскольку особенности невербального поведения в измененном состоянии сознания легко фиксируются и понятны на интуитивном уровне, именно они описываются в авторских ремарках. Проведенный анализ лексических средств номинации манипуляций с предметами позволяет утверждать, что авторы драматургических произведений точно изображают особенности невербального поведения субъекта, переживающего измененное состояние сознания. Новизна проведенного исследования состоит в том, что авторы впервые систематически описывают особенности изображения (косвенного способа номинации) манипуляций с предметами, отражающих специфику невербального поведения

© Безруков В.А., Шачкова И.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

субъекта, переживающего измененное состояние сознания, и таким образом вносят вклад в создание классификации способов изображения невербального поведения индивидуума в состоянии аффекта.

Ключевые слова: измененные состояния сознания, манипуляции с предметами, номинация, авторские ремарки, английский язык

UDC 811.11. 81`23:316.772.2

<https://doi.org/10.25076/vpl.50.03>

V.A. Bezrukov

State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin

I.Yu. Shachkova

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

MANIPULATIONS WITH OBJECTS IN AN ALTERED STATE OF CONSCIOUSNESS AND THEIR NOMINATION IN STAGE REMARKS (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

The purpose of this study is to depict the means of the indirect way of nomination (description) of manipulations with objects, implemented under over-intense emotional tension which causes an altered state of consciousness in a person. The effect that an altered state of consciousness has on the speech and behavior of a person can be different and is reflected in verbal and nonverbal behavior, in particular in the specifics of manipulations with objects. Since the features of nonverbal behavior in an altered state of consciousness are easily fixed and understandable on an intuitive level, they are described in stage remarks. The analysis of lexical means of naming units of manipulations with objects suggests that the authors of dramaturgical works accurately describe the features of nonverbal behavior of a person experiencing an altered state of consciousness. The novelty of the conducted research consists in the fact that the authors systematically describe for the first time the features of description (the indirect way of nomination) of manipulations with objects reflecting the specifics of the nonverbal behavior of a person experiencing an altered state of consciousness, and thus contribute to the creation of a classification of ways to describe the nonverbal behavior of an individual in a state of affect.

Keywords: manipulations with objects, altered states of consciousness, naming units, stage remarks, English

Введение

Прошло уже несколько десятилетий с того момента, как специалисты в области адаптации человека к необычным, стрессогенным условиям окружающей среды начали утверждать, что до трети городской популяции периодически или систематически находится в измененном состоянии сознания той или иной степени глубины (Лебедев, 1983). Данный вопрос привлек значительное внимание специалистов в области психологии, физиологии и судебной психиатрии, но изучение вербальных и невербальных коррелятов измененных состояний сознания все еще находится в стадии разработки. Актуальность этой статьи определяется тем, что в ней авторы впервые представляют систематическое описание средств косвенной номинации (изображения) манипуляций с предметами, реализуемых под воздействие измененного состояния сознания. Поскольку данный вид поведения в настоящее время получает все большее распространение, задача разработки собственно лингвистических способов оценки психического состояния субъекта без привлечения сложных психологических и психиатрических методик и тестов становится как никогда актуальной.

Теоретической базой для настоящего исследования служат труды по физиологии человека и психологии Обрели (1961), Медведева (1982), Лебедева (1983), Фресса и Пиаже (1975), Ротенберга и Аршавского (1984), лингвистике и психолингвистике Шаховского (1987) и Гака (1997), невербальному поведению Величко (1982), Лабунской (1986), Мида (2009), Холла (1959), Мерабиана (1971), судебной психиатрии Ситковской (1983), Калашника (1961), Шаврулидзе (1973), Жарикова (1999) и лингвистике измененных состояний сознания Синеоковой (2004).

Задачи, поставленные авторами статьи, включают:

- 1) выделение и описание специфических черт невербального поведения субъекта, переживающего измененное состояние сознания, в частности особенностей манипуляций с предметами;
- 2) разработку классификации косвенных средств номинации (изображения) манипуляций с предметами на основе анализа

средств номинации в авторских ремарках англоязычных авторов драматургических произведений.

Теоретическое значение данной работы, по нашему мнению, состоит в том, она может расширить существующие знания о невербальной коммуникации и взаимодействии между ней и измененными состояниями сознания. Это, в свою очередь, может способствовать развитию теоретических моделей коммуникации в нестандартных условиях общения и пониманию психофизиологических механизмов, лежащих в основе таких коммуникативных процессов.

Практическое значение нашего исследования заключается в том, что исследование манипуляций с предметами в измененных состояниях сознания может быть полезным для психологов, психотерапевтов и других специалистов в области психического здоровья. Оно может помочь им лучше понять взаимосвязь между невербальными компонентами коммуникации и измененными состояниями сознания, а также использовать этот инструмент при работе с пациентами в психотерапии или реабилитации. Решению этой задачи, в свою очередь, призвана помочь предлагаемая авторами классификация средств номинации манипуляций с предметами, реализуемых в том или ином типе измененного состояния сознания.

Материалы и методы

Для решения задач, поставленных в данном исследовании, нами были использованы метод контекстуального анализа, а также метод дефиниционного анализа.

Материалом исследования послужили около 100 авторских ремарок, изображающие характерные особенности манипуляций с предметами, которые реализуются в измененном состоянии сознания и были получены методом сплошной выборки из 12 драматургических произведений англоязычных писателей 20-го века, таких как: Лоррейн Хэнсберри «Изюминка на солнце» (Hansberry L. *A Raisin in the Sun*. New York: Penguin Books, 1988), Лириан Хеллман «Лисята» (Hellman L. *The Little Foxes* // *Sixteen Famous American Plays*. The Modern Library. New York: Random House, Inc., 1941 (reprint)), Сидни Ховарда «Они знали, чего хотели» (Howard S. *They Knew What They Wanted* // *Sixteen Famous American Plays*. The Modern Library. New York: Random House, Inc., 1941

(reprint), Артура Миллера «Суровое испытание» А. The Crucible. The Bantam Library of World Drama, 1967), Юджина О'Нила «За горизонтом» (O'Neill. E. Beyond the Horizon // New York: Dover Publications, 1996), Эмлин Уильямс «Ночь должна наступить» (Williams E. Night Must Fall. – Mode of access: <<http://www.gutenberg.org/etext/7765>>), Кеннета Кэмерона «Папп» (Cameron, K. Papp // The American Place Theatre: Plays. – New York: A Delta Original, 1973. – P. 31-88), Элис Чилдресс «Вино в пустыне» (Childress, A. Wine in the Wilderness // Plays By and About Women. – New York: Random House, 1974. – P. 379-421), Сары Дэниэлс «Прилив» (Daniels, S. Neap tide // Plays: 1. – London: Methuen Drama, 1997. – P. 231-327), Джона Голсуорси «Поражение» (Galsworthy, J. Defeat. – Mode of access: <<http://www.gutenberg.org/etext/4269>>), Теннесси Уильямса «Орфей спускается в ад» (Williams, T. Orpheus Descending // Three American Plays. – М.: Progress Publishers, 1972. – P. 221-307) и Алана Александра Милна «Белинда» (Milne, A.A. Belinda. – Mode of access: <<http://www.gutenberg.org/etext/7805>>)

Результаты и обсуждение

В настоящий момент лингвисты убеждены, что в тексте литературного произведения присутствует два основных способа передачи эмоций и эмоциональных состояний: косвенный способ (изображение эмоций через фиксацию невербального поведения субъекта) и прямой способ номинации (сообщение об эмоции) (Гак, 1997; Шаховский, 1987). Суть второго способа номинации состоит в использовании лексем, денотативное значение которых включает характерные особенности той или иной эмоции или эмоционального состояния. В качестве яркого примера лексической единицы, которая может быть использована для прямой номинации измененного состояния сознания, выступает лексема *to transfix*. Анализ дефиниции лексической единицы *to transfix* (to be unable to move because you are shocked, frightened etc - Longman Dictionary of Contemporary English, p. 1537) показывает, что ее семантика передает такой важный внешний признак аффективного ступора как иммобильность субъекта (unable to move).

Важно отметить, однако, что в авторских ремарках намного более распространены случаи косвенной номинации (изображения) эмоций и эмоциональных состояний персонажей. Проведенный авторами контекстуальный анализ авторских описаний,

содержащих примеры косвенной номинации эмоций и эмоциональных состояний показал, что авторы изображают различные невербальные компоненты коммуникации: мимику, жесты, позы, локомоции (перемещение в пространстве), голосовые характеристики, тактильное и визуальное действие и взаимодействие и даже вегетативные характеристики субъекта (плач, изменение ритма дыхания, тремор и т.п.), включая, безусловно, изображения манипуляций с предметами. Тем более удивительным предстает тот факт, что теоретические работы по невербальной коммуникации содержат прямо противоположные воззрения касаясь статуса манипуляций с предметами как компонента невербальной системы коммуникации.

С одной стороны, рассмотрение манипуляций с предметами как неотъемлемой части невербальной коммуникации имеет долгую историю и значительный теоретический багаж. Так, например, существует минимум три теоретические концепции, объясняющие роль и функции манипуляций с предметами в системе невербальной коммуникации. Согласно первой теории, разработанной Джорджем Х. Мидом, манипуляция с предметами может служить символической формой коммуникации, где предметы или действия приобретают определенное значение и передают информацию о намерениях или эмоциональном состоянии человека (Мид, 2009). Вторая теория - эта концепция Эдварда Т. Холла, которая изучает использование пространства и физического расстояния (проксемики) в коммуникации. Согласно теории Холла, манипуляция с предметами может быть использована для управления пространственными отношениями и установления контакта с другими людьми и зависит от культурных норм и ценностей. Например, передвигая предметы ближе к себе или другому человеку, можно создать более дружественное взаимодействие (Hall, 1959). Наконец, концепция инструментальной коммуникации Альберта Мерабиана рассматривает коммуникацию как процесс достижения целей или выполнения задач. Манипуляция с предметами может быть использована в качестве инструмента для достижения этих целей. Например, использование инструментов или предметов может помочь в объяснении сложных концепций, демонстрации процессов или управлении ситуацией (Mehrabian, 1971). И тем не

менее некоторые авторы не спешат рассматривать манипуляции с предметами как важный компонент невербальной системы коммуникации (Крейдлин 2001; Лабунская, 1986).

Внимание исследователей к данному компоненту невербальной коммуникации резко увеличивается в работах, посвященных изучению поведения человека, переживающего сверхсильное эмоциональное напряжение. Так, Л.Ф. Величко, исследуя особенности невербального поведения, сопутствующего устной монологической речи обучающихся на иностранном языке, устанавливает прямую корреляцию между низким уровнем навыков устной речи (и как следствие сильным или сверхсильным эмоциональным напряжением) и значительным количеством разнообразных манипуляций с предметами (Величко, 1982).

Необходимо при этом подчеркнуть, что большое количество манипуляций и их высокая интенсивность не выступают надежными критерием определения специфических характеристик эмоционального состояния субъекта. Намного более важным критерием выступает то, как субъект выполняет манипуляции с предметом, а именно: 1) наличие или отсутствие прагматической цели у манипуляции с предметом; 2) присутствие или отсутствие затруднений при выполнении манипуляций, а также 3) использование предмета по его прямому назначению. Например, использование трости хромым человеком является прагматическим действием, которое, как правило, не несет никакой информации об эмоциональном состоянии индивидуума. Когда же трость используется для избивания человека, подобные манипуляции являются четким сигналом не только о переживаемом сверхсильном эмоциональном возбуждении, но также демонстрирует для читателя или зрителя информацию о качественных особенностях поведения человека, переживающего измененное состояние сознания (Ситковская, 1983; Жариков и др, 1999; Калашник, 1961; Шаврулидзе, 1973). Все качественные особенности невербального поведения человека, включая манипуляции с предметами, определяются пребыванием субъекта в одном из трех типов измененных состояний сознания: дистрессе, поисковом состоянии или эвстрессе.

Так, к внешне наблюдаемым признаками дистресса, который оказывает разрушающее воздействие на процессы порождения речи

и невербальное поведение, относятся: 1) гипокенетика (иммобильность субъекта как крайнее проявление данного признака) и 2) гиперкенетика, которые комбинируются с такими признаками невербального поведения, как 3) ригидность, негибкость (вследствие разрушения сложных моделей поведения) (Фресс, Пиаже, 1975) и 4) бесцельность (хаотичность) (Медведев, 1982).

Поисковое состояние отличается от дистресса тем, что по сути является успешной попыткой преодолеть сверхсильное эмоциональное напряжение, вызывающее измененное состояние сознания (Ротенберг, Аршавский, 1984; Синеокова, 2004). В то же время разрушающее влияние возбуждения достаточно велико, чтобы проявляться в невербальном поведении в следующих признаках: 1) гиперкинетика в сочетании с внезапностью ответной реакции (действие как первая успешная попытка сориентироваться в резко изменившейся обстановке), 2) внешне наблюдаемые нарушения в невербальном поведении (например, покачивание при ходьбе), 3) слишком частые (не обусловленные прагматической необходимостью) действия методического характера.

Эвстресс по механизмам воздействия на психику человека представляет собой измененное состояние сознания, которое прямо противоположно дистрессу, поскольку оказывает конструктивное, положительное воздействие на речепорождение и невербальное поведение, несмотря на сверхсильное эмоциональное возбуждение. Особенности поведения субъекта, переживающего состояние эвстресса, проявляются в следующих признаках: 1) гиперкинетические действия агрессивного, наступательного характера и 2) гиперкенетические действия, цель которых: а) объективация (демонстрация) эмоционального состояния субъекта и б) установление (разрывание) контакта с собеседником. Очень важно подчеркнуть, что все действия, совершаемые индивидуумом в состоянии эвстресса, являются контролируемыми и осознанными (Жариков и др., 1999).

Поскольку особенности невербального поведения в измененном состоянии сознания, как мы видим, внешне легко наблюдаемы и понятны читателю или зрителю на интуитивном уровне, именно они описываются в авторских ремарках, включая, безусловно, особенности изображения манипуляций с предметами. Проведя

анализ около 100 авторских ремарок, изображающих невербальное поведение, реализуемое под воздействием сверхсильного возбуждения, авторами предложена классификация косвенных средств номинации (изображения) манипуляция с предметами в авторских описаниях на английском языке.

Важным отличительным признаком *манипуляции аффективного ступора* выступает неспособность субъекта совершить действие с предметом, что происходит вследствие генерализованного моторного торможения. Лексемы, которые используются авторами драматургических произведений для изображения манипуляций данного типа, акцентируют внимание читателя на наступающей (или наступившей) иммобильности субъекта и имеют значения «класть (предмет), падать / ронять (о предмете)»: to drop smth, to let smth slip / drop, to put smth (down), например:

1) *Blanche: Ah, me, ah, me, ah, me... (Her eyes fall shut and the palm leaf drops from her fingers.) (Williams, 1935, p. 172) / Блани: Ах, я, ах, я, ах, я... (Её глаза закрываются и пальмовый листок выскальзывает из ее пальцев) (Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – В. Б. и И. Ю.)*

2) *Mrs. Mortar (Puts phone down, collapses in chair, sobs quietly). You think she's dead- (Hellman, 1941, p. 80) / Миссис Мортар (Кладет телефон, падает в кресло, тихо плачет) Ты думаешь, она умерла –*

3) *AMY [She stands a moment without moving at all. Suddenly she lets quilt and papers slip to the floor and her hands clasp themselves over her abdomen.] Oh, my God! (... [...her face rigid with terror.] (Howard, 1941, p.48) / ЭМИ [Она стоит мгновение, не двигаясь вообще. Внезапно она позволяет одеялу и бумагам соскользнуть на пол, и ее руки сжимают живот.] О, Боже мой! (... [...ее лицо застыло от ужаса.]*

Анализ контекста показывает, что изображение манипуляций аффективного ступора, как правило, не является достаточным признаком для однозначной идентификации описываемого эмоционального состояния. Поэтому авторы используют целые ансамбли как вербальных, так и невербальных признаков. Так, в первом примере дополнительными признаками идентификации аффективного ступора могут служить речь персонажа драматургического произведения, которая однозначно указывает на торможение речемыслительных процессов, переходящее в ступор

(обрыв речевого потока), так же как и мимика аффективного ступора (*Her eyes fall shut*). Во втором случае, помимо собственно манипуляции с предметом (*Puts phone down*) читатель наблюдает и анализирует следующий ансамбль невербальных и вербальных признаков: а) изменение позы (*collapses in chair*), б) вегетативные проявления (*sobs quietly*), в) обрыв речевого потока, которые в совокупности, безусловно, свидетельствуют о наступающей иммобильности субъекта. Той же тактики в изображении аффективного ступора придерживается и третий автор: помимо манипуляции аффективного ступора, в авторской ремарке мы видим позу аффективного ступора (*stands ... without moving at all*), жест аффективного ступора (*her hands clasp themselves over her abdomen*) и, наконец, весьма яркое описание мимики аффективного ступора. Для ее изображения автор использует лексему *rigid* (*her face rigid with terror*), одно из словарных значений которой «*stiff and not moving or bending*» (Longman Dictionary of Contemporary English, p. 1222). Финальная позиция данной авторской ремарки, по нашему мнению, лишь усиливает значение лексической единицы *rigid* и эффект, который изображение ансамбля невербальных признаков, сигнализирующих об аффективном ступоре, производит на читателя.

Манипуляции, сигнализирующие о регрессе сложной модели поведения, изображаются авторами драматургических произведений как набор действий с предметами, которые объединяет один признак: машинальность их исполнения. Объясняется это, очевидно, тем, что при распаде сложной модели реагирования на острый психогенный фактор, все действия субъекта деградируют до автоматизмов, а поведение в целом отличается негибкостью (ригидностью). Рассмотрим, следующий пример:

(Mechanically, she sweeps together the scattered fragments of notes, assembling them with the dust into a little pile [...] while the tears run down her cheeks.) GIRL. Defeat! Defeat! . . . (Galsworthy, 1921, p. 17) / (Машинально, она подметает разбросанные фрагменты, собирает их вместе в стопку [...], пока слезы текут у нее по щекам) ДЕВУШКА. Поражение! Поражение!

Как мы видим, манипуляции с предметами героини вполне успешны с точки зрения прагматики: она прибирает помещение. Но

анализ контекста и ее речи позволяет нам говорить не только о том, что она переживает сильнейшее эмоциональное напряжение, но также сделать выводы о психофизиологическом механизме, который лежит в основе дистресса. Так, речь главной героини максимально упрощена (она повторяет одно и то же слово - Defeat! Defeat! (Поражение! Поражение!)), но при этом отсутствует обрыв речевого потока (признак аффективного ступора) и слова произносятся без очевидных нарушений их фонетической формы (что могло бы свидетельствовать о поисковом измененном состоянии сознания). При этом, изображая невербальные действия героини, автор четко указывает на характер действий - *mechanically*. Анализ дефиниции лексической единицы *mechanically (... is done without thinking, and has been done many times before* - Longman Dictionary of Contemporary English, p. 889), безусловно, свидетельствует о том, что генерализованное возбуждение привело к распаду сложной системы реагирования, но не затронуло уровень хорошо усвоенных действий, то есть автоматизмов.

Неосознанный разрыв контакта с фактором, вызывающим острую стрессогенную ситуацию, в авторских ремарках часто (как и в случае манипуляций аффективного ступора) изображается в виде сочетания нескольких невербальных компонентов коммуникации, при этом *пассивно-оборонительные манипуляции с предметами*, как правило, являются финальным звеном в цепочке действий субъекта. Наиболее часто пассивно-оборонительные манипуляции реализуются как открытие / закрытие дверей, хлопанье дверьми и изображаются авторами драматургических произведений при помощи лексем *to slam / to shut / to close / to swing the door open*, например:

1) CLAIRES [almost speechless with rage]. You bastard. [She exits, slamming the door.] (Daniels, 1997, p. 307) / КЛЭР [от ярости почти не может говорить]. Негодяй. [Она уходит, хлопая дверью.]

2) TOM. You ugly – babbling old – witch... [He goes through a series of violent, clumsy movements, seizing his overcoat, lunging to the door, pulling it fiercely open.] (Williams, 1935, p.42) / ТОМ. Уродливая ты - болтливая старая - ведьма... (Он совершает серию резких, неуклюжих движений, хватая свое пальто, бросаясь к двери, яростно распахивая ее.)

Приведенные примеры являются типичными для изображения невербального поведения, в основе которого лежит пассивно-оборонительная реакция. Первая ремарка при помощи сочетания косвенной (*speechless*) и прямой (*with rage*) номинаций дистресса сигнализирует о высочайшей степени эмоционального возбуждения, которое препятствует построению развернутого высказывания, и реализуется как побег от стрессогенного фактора (сочетание изображения пассивно-оборонительной локомоции (*exits*) и пассивно-оборонительной манипуляции (slamming the door)). Вторая ремарка предстает как комбинация изображений двух компонентов невербальной коммуникации, а именно: перемещение в пространстве (*violent, clumsy movements* и *lunging to the door*) и манипуляции с предметами (seizing his overcoat и pulling it fiercely open).

Как важный отличительный признак мы уже отмечали тот факт, что изображение пассивно-оборонительной манипуляции, как правило, занимает в авторской ремарке финальную позицию по отношению к другим невербальным компонентам коммуникации. Стоит также упомянуть, что все манипуляции данного типа имеют ярко выраженный гиперкинетический характер. Объясняется это, по всей видимости тем, что пассивно-оборонительная реакция как психофизиологический механизм выполняет роль «спасательного круга» организма, на который он не жалеет своих последних сил (Орбели, 1961). В авторских ремарках этот важный признак изображается как при помощи слов-уточнителей значения типа *violent, fiercely*, так и находит отражение в семантике лексических единиц, используемых для номинации пассивно-оборонительных манипуляций. Так, например, лексема *to seize* (seizing his overcoat) имеет значение «*to take hold of something suddenly and violently*» (Longman Dictionary of Contemporary English, p. 1291), подчеркивающее гиперкинетический характер манипуляций, и поэтому используется автором в данном ансамбле номинаций невербальных компонентов коммуникации.

Уникальным типом пассивно-оборонительной манипуляции выступают примеры, когда авторы изображают так называемое «заедание стресса». Манипуляции в данном случае производятся с посудой, едой, напитками и т.п. Так, в следующем примере помимо важного вегетативного признака (*her lips trembling*),

сигнализирующего о сверхсильном возбуждении, присутствует изображении манипуляции с предметом (стаканом с вином - downing her port), действия с которым характеризуются высокой степенью интенсивности (at a gulp - одним глотком):

ANNA--[Downing her port at a gulp like a drink of whiskey--her lips trembling.] Skoal? (O'Neill, 1996, p. 7) / АННА—[Опустошает стакан с портвейном одним глотком как будь-то стакан с виски—ее губы дрожат.] Скоал?

Гиперкнетика действия является одним из наиболее важных признаков *хаотических манипуляций*. Происходит это в силу того, что хотя генерализированное возбуждение блокирует работу коры головного мозга субъекта и проявляется в неосознанных манипуляциях, адаптивные возможности еще не исчерпаны и возможно временное повышение энергетических ресурсов организма, что находит свое выражение в бесцельных, гиперкинетических действиях с предметами. Рассмотрим следующий пример:

[She crosses to the door and a little outside it [...]. Then she comes in furiously, with an Italian curse, shutting the door with her foot or shoulder, and throws the linen down on counter. She crosses abruptly to cashbox, rings it open and discovers theft. Slams drawer violently shut.] LADY: Thief! Thief! (Williams, 1972, p. 277) / [Она идет к двери и ненадолго выходит из комнаты. Затем в ярости заходит обратно, произносит итальянское ругательство, закрывает дверь ногой или плечом и бросает белье на прилавок. Затем неуклюже идет к кассе, открывает ее и обнаруживает пропажу. С силой и злобой закрывает ящик кассы.] ЛЕДИ: Вор! Вор!

Он интересен тем, что особенности невербального поведения субъекта, находящегося во власти психофизиологического механизма, провоцирующего хаотическую модель поведения субъекта, переданы комбинацией двух компонентов невербальной системы коммуникации, а именно: а) хаотические манипуляциями с предметами (shutting the door, throws the linen, rings it open, slams the drawer) и б) хаотические перемещения в пространстве (she comes in furiously, crosses abruptly to cashbox), что позволяет автору оптимально изобразить воздействие сверхсильного эмоционального возбуждения на человека в рамках данной модели.

Следующий пример доказывает, что данный прием является одним из типичных для изображения хаотической модели поведения:

LADY [She blows the horn over and over, grotesquely mounting the stairs, as Val tries to stop her. She breaks away from him and runs up to the landing, blowing the paper horn and crying out.] I've won, I've won, Mr. Death, I'm going to bear! (Williams, 1972, p. 305) / ЛЕДИ (Снова и снова трубит в рог, гротескно поднимаясь по лестнице, а Вэл пытается ее остановить. Она вырывается и выбегает на площадку, трубя в бумажный рожок и крича.) Я победила, я победила, мистер Смерть, я вытерплю!

Как и в предыдущем примере мы вновь наблюдаем комбинацию хаотических манипуляций (blows the horn over and over, blowing the paper horn) и хаотических локомоции (*breaks away from him and runs up to the landing, breaks away from him and runs up to the landing*) для изображения в авторской ремарке хаотической модели поведения при измененном состоянии сознания.

Уникальным типом хаотической манипуляции с предметом являются бессмысленные действия, совершаемые в состоянии сверхсильного возбуждения, с несуществующими (воображаемыми), либо со сломанными объектами, например:

(rage) TONY. Goddam!... (You wait, you dirty...) [He flourishes the broken gun.] (Howard, 1941, p. 52) / (в ярости) ТОНИ. Черт побери! (Погоди, грязный...) [Он размахивает сломанным ружьем]

Прямая номинация измененного состояния сознания (*rage*) и очевидные проблемы в речепорождении, которые свидетельствуют об ослаблении контроля за речепорождением и поведением субъекта, позволяют нам интерпретировать изображаемую в ремарке манипуляцию как хаотическую (бесцельную), а не агрессивную (осознанные действия наступательного характера).

Появление у субъекта, переживающего сверхсильное эмоциональное возбуждение, *поисково-настроечных манипуляций с предметами* свидетельствует об активации процесса адаптации к психогенному фактору. Существует два основных типа поисково-настроечных манипуляций с предметами.

В первом типе предмет выступает как «помощник адаптации», манипуляции с которым помогают субъекту компенсировать проблемы при перемещении в пространстве, принятии нужной

позы и т.п. Изображение данных манипуляций происходит при помощи лексем, которые имеют обобщенное денотативное значение «схватить / держать / держаться»: to grab / to grip, to hold, etc, например:

1) ELIZABETH [supporting herself against collapse, grips the bars of the window, and with a cry:] He have his goodness now. God forbid I take it from him! (Miller, 1967, p. 138) / ЭЛИЗАБЕТ [чтобы не упасть хватается за решетку окна и кричит:] У него теперь есть своя богиня! Не дай Бог мне отнять ее у него!

2) (BELINDA holds the place with her other hand, and still looking at MR. BAXTER, slowly begins to laugh--*half-laughter, half-tears, wonderingly, happily, contentedly*.)BELINDA. And I didn't know! (Milne, 1981, 24) / (БЕЛИНДА держит стол другой рукой и, все еще глядя на мистера БЭКСТЕРА, медленно начинает смеяться - *полусмехом, полуслезами, удивленно, счастливо, удовлетворенно*.) БЕЛИНДА. А я не знала!

Настрочный, адаптивный характер манипуляции с предметом в ремарке в первом примере (grips the bars of the window) становится тем более очевидным на фоне другого компонента коммуникации - произвольного изменения позы субъекта (*supporting herself against collapse*). При контекстуальном анализе этой ремарки стоит обратить внимание на особенности речепорождения героя драматургического произведения. Если для состояния дистресса характерны серьезные нарушения речепорождения (вплоть до обрыва речевого потока), то проблемы, которые испытывает субъект с речью в поисковом состоянии можно описать как рассогласование между внешней формой и содержанием высказывания (что, например, может внешне выглядеть как совершенно не типичное для индивидуума заикание). Рассматриваемый пример, в котором подлежащее и сказуемое не согласованы (*he have*), является, на наш взгляд, дополнительным критерием, который позволяет интерпретировать переживаемое измененное состояние сознания как поисково-настрочное.

Интересно отметить, что во втором примере автор помимо использования манипуляции с предметом в роли «помощника адаптации» (hold the place with her other hand), находит очень оригинальный способ изобразить подвижность психики субъекта по время поисково-настрочного измененного состояния сознания.

При помощи лексемы *half* автор передает динамику развития вегетативных невербальных признаков коммуникации (*half-laughter, half-tears*). Эту же функцию, безусловно, в ремарке выполняют наречия *wonderingly, happily, contentedly*, которые описывают сомнения, охватившие героя ремарки в это момент времени.

Второй тип поисково-настроечных манипуляций может быть представлен в авторской ремарке как действия с предметами самого разнообразного характера. Общая черта данных манипуляций - изображение манипуляции с предметом как фонового действия, при помощи которого субъект пытается рационализировать стрессогенную ситуацию, например:

[Presently Beneatha's bedroom door opens and Ruth's mouth falls and she puts down the iron in fascination.] RUTH. What have we got on tonight! (Hansberry, 1988, p.76) / [Вскоре дверь спальни Бенетаты открывается, у Рут от удивления открывается рот и она в восхищении кладет утюг.] РУТ. И что это у нас тут есть сегодня!

Как прямая (*in fascination*), так и косвенная номинация (*Ruth's mouth falls*) в ремарке свидетельствуют о сильном эмоциональном возбуждении и необходимости включения механизмов адаптации к резко изменившейся ситуации. Фоном для этого и служит поисково-настроечная манипуляция (she puts down the iron), представленная неспецифическим действием с предметом, происходящим без нарушений, гипермобилизации или иммобилизации.

Агрессивные манипуляции представляют собой осознанные действия наступательного характера, в которых любой предмет может быть использован как оружие. Соответственно, лексемы, которые могут быть использованы для изображения данного типа манипуляции, имеют значения «поднимать (пистолет) / схватиться (за меч), угрожать (любым предметом), бить (предметом)»: *to raise a revolver / to clutch a sword, to menace / to threaten (with any object), to beat (with a broom) / to strike (with a cane)*, etc, например:

1) Papp (Strikes him with cane): The Papp cannot lose face! Because the Papp can doubt, can disbelieve, can question without losing - face. Only the Papp! (Cameron, 1973, p. 48) / Папп (бьет его своей тростью): Папп не может потерять лицо! Папп может сомневаться,

может не верить, может задавать вопросы, но не может потерять лицо! Только лишь Папп!

2) ENGLISH TOBY: (Angered, menaces all three with pistols) Goddamnit! (Hansberry, 1988, p.72) / АНГЛИЙСКИЙ ТОБИ: (В гневе, угрожает всем трем пистолетами) Черт возьми!

Обе ремарки является типичными для изображения агрессивно-наступательных манипуляций. При этом в первой ремарке помимо агрессивной манипуляции с предметом (strikes him with cane) в речи персонажа присутствуют признаки, позволяющие не только оценить состояние субъекта как «сильное эмоциональное возбуждение» (что выражено даже пунктуационно с помощью знаков восклицания), но отсутствуют какие-либо показатели значимых нарушений в речепорождении, что, конечно, не позволяет интерпретировать данную манипуляцию как пассивно-оборонительную. Вторая ремарка также является описанием агрессивной модели поведения при помощи изображения манипуляций с предметом (menaces all three with pistols), поскольку значение лексической единицы *angered (in the state of anger)* подразумевает наступательный характер совершаемых действий (*anger - a strong feeling to harm, to hurt or criticize someone....* (Longman Dictionary of Contemporary English, p. 43) и не включает в себя ни одного признака, указывающего на состояние дистресса (уход из конфликта как часть пассивно-оборонительной модели поведения).

Демонстративная манипуляция и средства ее изображения выступают важным инструментом драматурга, при помощи которых он доносит до читателя или зрителя эмоциональное состояние субъекта через использование разнообразных предметов в несвойственных для них функциях. Все действия, как правило, имеют гиперкинетический характер, что находит отражение в использовании наречий и предложных оборотов типа *suddenly, violently, furiously, with a sudden outburst (crescendo) of*, например:

1) BILL [throws charcoal pencil across room]. No good! (Childress, 1974, p. 411) / БИЛЛ [бросает угольный карандаш в другой конец комнаты]. Это плохо!

2) DAN. (Throwing his stub into the fire in a sudden crescendo of fury) Orders, orders, orders; go here, do this, don't do that, you idiot, open the door for me, get a move on--I was never meant to take orders, never!... (EWilliams, 1935, p. 62) / ДЭН. (Бросает заглушу в огонь в неожиданном порыве ярости) Приказы, приказы, приказы; иди туда, сделай то, не делай этого, ты идиот, открой для меня дверь, сходи—Я не должен был исполнять приказы, никогда!

3) CARDIN. [Suddenly hits the side of the table with his hand]. What the hell did you do it for? (Hellman, 1941, p. 68) / КАРДИН. [Внезапно ударяет рукой по краю стола]. Какого черта ты это сделал?

Как мы видим, демонстративная манипуляция представлена самыми разными действиями, которые, тем не менее, имеют две отличительные черты: 1) гиперкинетический характер манипуляций, 2) отсутствием субъекта, на который манипуляция с предметом направлена. Это, в свою очередь, позволяет отличить демонстративные манипуляции от агрессивных действий с предметами.

Выводы

Подводя итоги сказанному, возможно утверждать, что предложенная в статье классификация средств изображения (косвенной номинации) манипуляций с предметами отображает характерные признаки невербального поведения человека, переживающего измененное состояние сознания. Именно поэтому она может служить основанием для создания алгоритма идентификации типа измененного состояния сознания, основанного на контекстуальном анализе языкового материала, представленного в авторских ремарках. Данное предположение звучит более весомо, поскольку в статье были успешно решены задачи исследования.

Так, всесторонний анализ работ по невербальной коммуникации, психолингвистике, лингвистике измененных состояний сознания, а также физиологии и психологии позволил систематизировать и описать характерные признаки невербального поведения человека, переживающего то или иное аффективное состояние.

Например, состояние дистресса характеризуется дихотомией признаков «гипокенетика (иммобильность как его крайнее проявление) / гиперкенетика», которая комбинируется с такими

признаками как «ригидность (вследствие разрушения сложных моделей поведения)» и «бесцельность (хаотичность) поведения». Поисковое состояние может проявляться в невербальном поведении в следующих признаках: 1) «внезапность, резкость невербального ответа в сочетании с гиперкинетикой действия», 2) «нарушения в невербальном поведении, которые проявляются внешне» (например, покачивание при ходьбе или заикание), 3) «частые действия методического характера». Особенности поведения индивидуума, находящегося в состоянии эвстресса, находят выражение в следующих внешне наблюдаемых проявлениях: 1) «гиперкинетические действия агрессивного, наступательного характера» и 2) «гиперкинетические действия», цель которых: а) объективация (демонстрация) эмоционального состояния субъекта и б) установление (разрывание) контакта с собеседником. Для успешной дифференциации изображений манипуляций с предметами, совершаемых в состояниях дистресса и эвстресса очень важно подчеркнуть, что все действия, совершаемые индивидуумом в состоянии эвстресса, являются контролируемыми и осознанными.

Кроме того, контекстуальный анализ авторских ремарок, дефиниционный анализ лексических средств изображения и разработанная на его основе классификация средств косвенной номинации манипуляций с предметами, свидетельствует о том, что средства их описания на английском языке делают возможной однозначную идентификацию типа измененного состояния сознания персонажа пьесы. Данная классификация включает следующие средства изображения манипуляций с предметами: 1) манипуляций аффективного ступора, 2) манипуляций, сигнализирующих о регрессе сложной модели поведения, 3) пассивно-оборонительных манипуляций, 4) хаотических манипуляций, 5) поисково-настроечных манипуляций, 6) агрессивных манипуляций, 7) демонстративных манипуляций с предметами. Это дает нам право утверждать, что классификация средств косвенной номинации (изображения) манипуляций с предметами, которую мы предлагаем в статье, может стать основой алгоритма идентификации типа измененного состояния сознания и внести существенный вклад как в дальнейшее развитие

лингвистики измененных состояний сознания, так и целого ряда других наук.

В качестве перспективы исследования авторы видят создание алгоритма идентификации типа измененного состояния сознания, основанного на анализе средств косвенной номинации не одного компонента невербальной коммуникации, а целых ансамблей невербальных компонентов коммуникации, что, безусловно, в будущем повысит надежность создаваемого алгоритма.

Литература

1. Величко Л.Ф. Методический аспект паралингвистических характеристик устной иноязычной речи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1982.
2. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 87-95.
3. Жариков Н.М., Морозов Г.В., Христинин Д.Ф. Судебная психиатрия. М., 1999.
4. Калашник Я.М. Судебная психиатрия. М., 1961.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2001.
6. Лабунская В.А. Невербальное поведение. Ростов, 1986.
7. Лебедев В.И. Особенности психической деятельности в измененных условиях существования: автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 1983.
8. Медведев В.И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. М., 1982.
9. Мид Дж. Г. Избранное: Сборник переводов. М., 2009.
10. Орбели Л.А. Вопросы эволюционной физиологии: доклад. Избранные труды в 5-ти томах. Т.1. М.-Л., 1961. С. 152-165.
11. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984.
12. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка): дис ... д-ра филол. наук. М., 2004.
13. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта (методическое пособие). М., 1983.
14. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1975.

15. Шаврулидзе Т.Г. Аффект и уголовная ответственность. Тбилиси, 1973.
16. Шаховский В.И. Категоризация эмоции в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
17. Hall E. T. *The Silent Language*. New York, 1959.
18. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Pearson Education Limited. 3rd edition. 2000.
19. Mehrabian A. et al. Silent messages. Belmont, 1971. Т. 8. №. 152. С. 30.

References

- Fress, P., & Piazhe, Zh. (1975). *Eksperimental'naya psihologiya* [Experimental psychology]. Moscow.
- Gak, V.G. (1997) Emocii i ocenki v strukture vyskazyvaniya i teksta [Emotions and evaluations in the structure of the utterance and text]. *Scientific letters of Moscow State University, Philology*, 3, 87-95.
- Hall, E. T. (1959). *The Silent Language*. New York.
- Kalashnik, Ya.M. (1961). *Sudebnaya psihiatriya* [Forensic psychiatry]. Moscow.
- Krejdlin, G.E. (2001). *Neverbal'naya semiotika* [Non-verbal semiotics]. Moscow.
- Labunskaya, V.A. (1986). *Neverbal'noe povedenie* [Non-verbal behaviour]. Rostov.
- Lebedev, V.I. (1983). *Osobennosti psihicheskoy deyatel'nosti v izmenennykh usloviyakh sushchestvovaniya* [Peculiarities of mental activity in altered conditions of existence]. (Doctoral dissertation abstract, Moscow).
- Longman Dictionary of Contemporary English*. (2000). Pearson Education Limited.
- Medvedev, V.I. (1982). *Ustojchivost' fiziologicheskikh i psihologicheskikh funktsij cheloveka pri dejstvii ekstremal'nykh faktorov* [Stability of physiological and psychological functions of a person under the influence of extreme factors]. Moscow.
- Mehrabian, A. et al. (1971). Silent messages. *Belmont*, 8(152), 30.
- Mid, Dzh. G. (2009). *Izbrannoe: Sbornik perevodov* [Selected translated papers]. Moscow.

- Orbeli, L.A. (1961). Voprosy evolyucionnoj fiziologii: doklad. [Questions of evolutionary physiology: report]. In *Collected papers*, 1, 152-165.
- Rotenberg, V.S., & Arshavskij, V.V. (1984). *Poiskovaya aktivnost' i adaptaciya* [Search activity and adaptation], Moscow.
- Shahovskij, V.I. (1987). *Kategorizaciya emocii v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Voronezh.
- Shavrulidze, T.G. (1973). *Affekt i ugolovnyaya otvetstvennost'* [Affect and criminal liability]. Tbilisi.
- Sineokova, T.N. (2004). *Paradigmatika emocional'nogo sintaksisa (na materiale anglijskogo yazyka)* [Paradigmatics of emotional syntax (based on the material of the English language)]. (Doctoral dissertation thesis, Moscow, Russia).
- Sitkovskaya, O.D. (1983). *Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza affekta (metodicheskoe posobie)* [Forensic-psychological examination of an affect (methodological guide)]. Moscow.
- Velichko, L.F. (1982). *Metodicheskij aspekt paralingvističeskikh harakteristik ustnoj inoyazyčnoj reči* [Methodical aspect of paralinguistic characteristics of oral foreign speech]. (Candidate thesis abstract, Moscow).
- Zharikov, N.M., Morozov, G.V., & Hristinin, D.F. (1999). *Sudebnaya psihiatriya* [Forensic psychiatry]. Moscow.